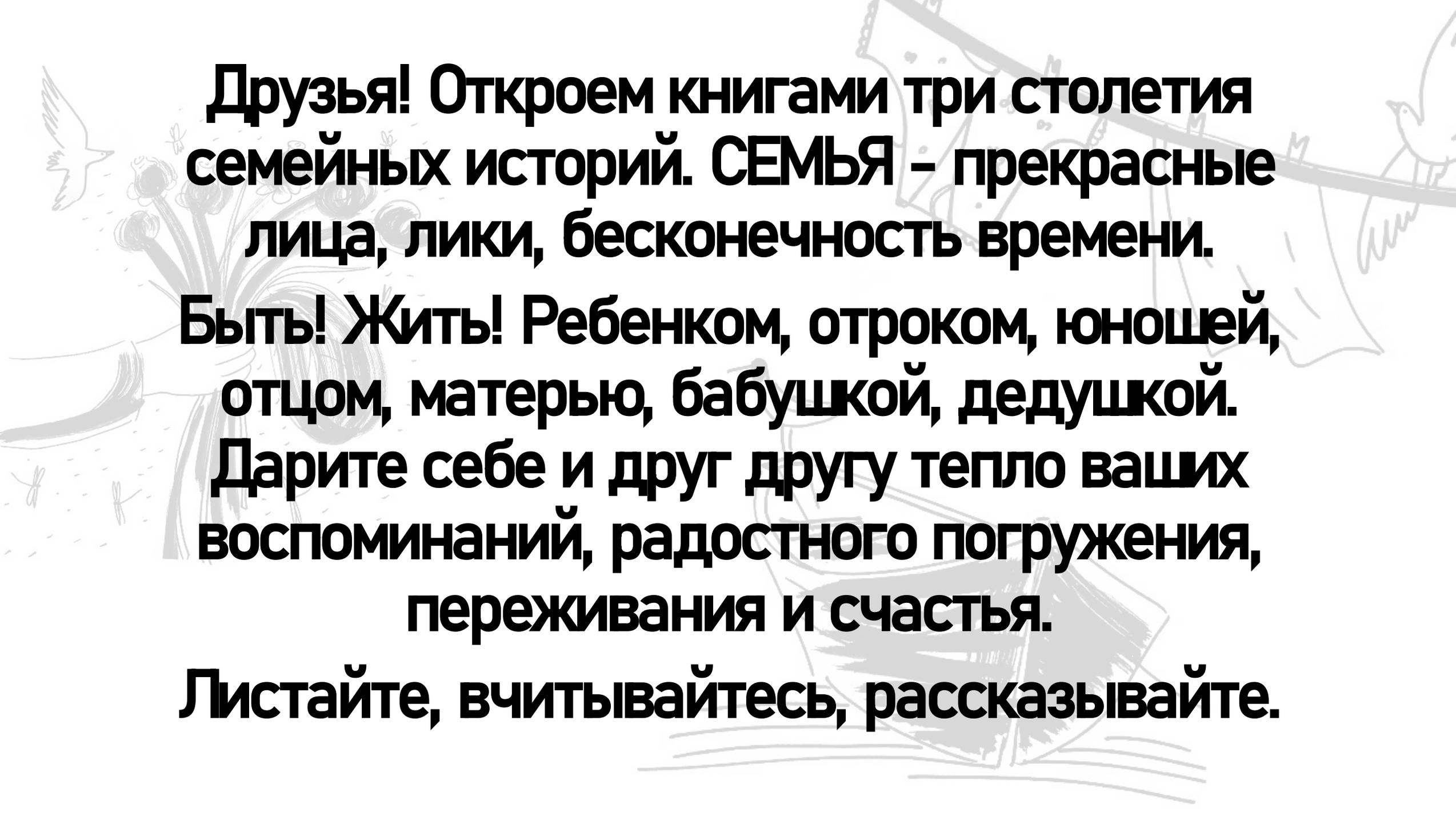
The background features faint, light gray sketches. On the left, a hand holds a bouquet of flowers. In the upper right, a bird is perched on a branch. In the lower right, a bird is shown in flight above a nest. The overall style is artistic and illustrative.

**ПОРТРЕТ СЕМЬИ**

**НА ФОНЕ**

**ВРЕМЕНИ**

**виртуальная выставка**



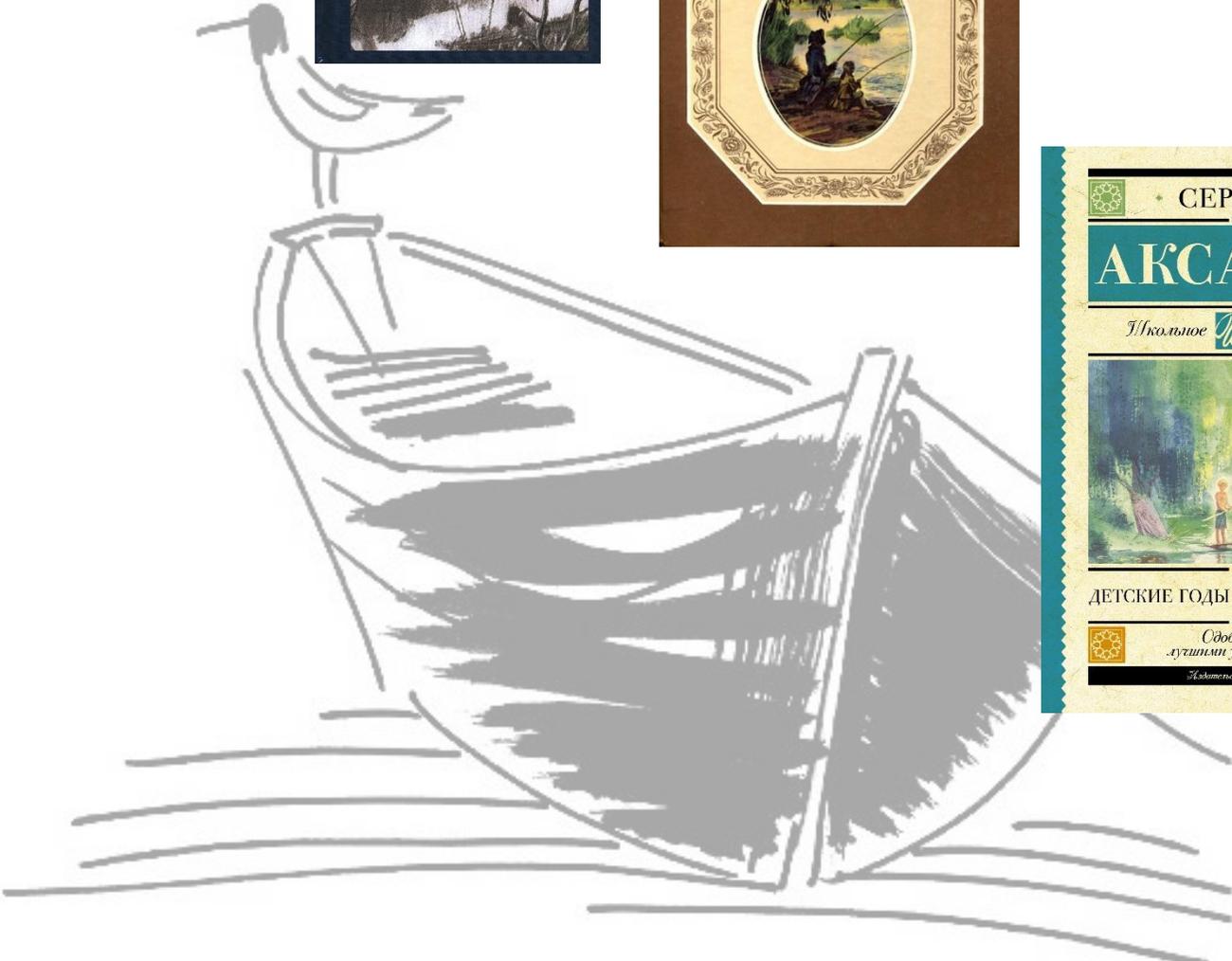
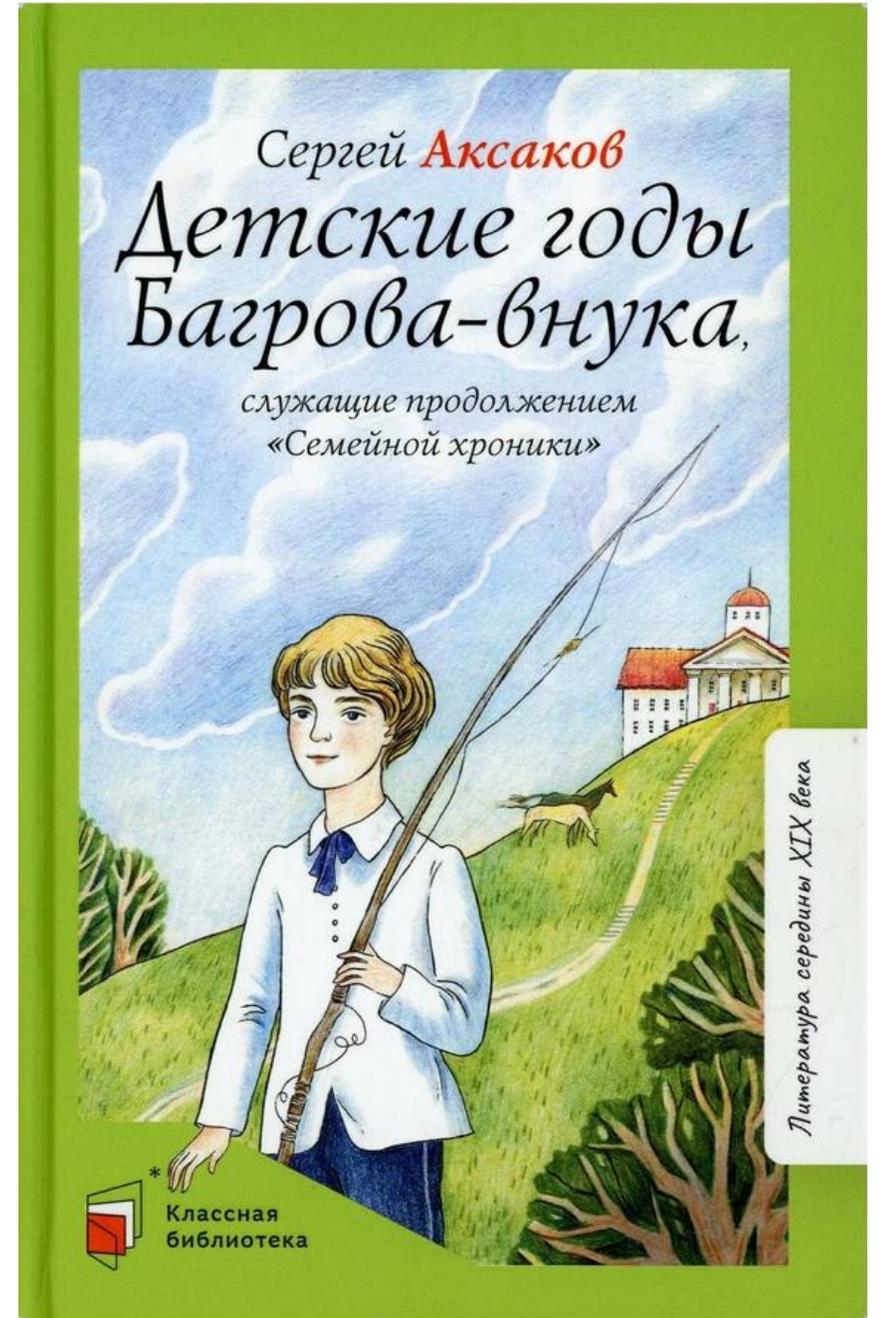
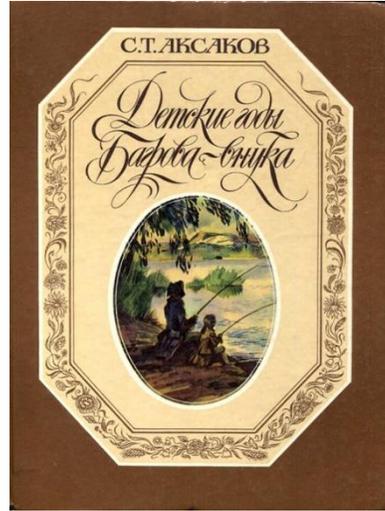
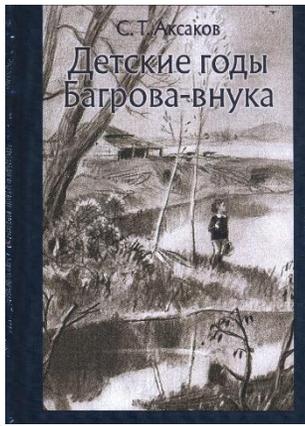
**Друзья! Откроем книгами три столетия  
семейных историй. СЕМЬЯ - прекрасные  
лица, лики, бесконечность времени.**

**Быть! Жить! Ребенком, отроком, юношей,  
отцом, матерью, бабушкой, дедушкой.  
Дарите себе и друг другу тепло ваших  
воспоминаний, радостного погружения,  
переживания и счастья.**

**Листайте, вчитывайтесь, рассказывайте.**

# Любовь





**«Сестрицу я любил сначала больше всех  
игрушек, больше матери, и любовь эта  
выражалась беспрестанным желаньем ее  
видеть и чувством жалости».**

**Сергей Аксаков «Детские годы Багрова-  
внука»**



КЛАССНАЯ КЛАССИКА



Луиза Мэй Олкотт

# МАЛЕНЬКИЕ ЖЕНЩИНЫ



Machaon

«Часы пробили шесть, и, выметая золу из камина, Бесс положила перед ним домашние туфли матери, чтобы согреть их. Вид этих старых туфель вызвал у девочек приятные чувства, потому что скоро должна была вернуться мама, и все с радостью готовились встретить ее: Мег перестала отчитывать сестер и зажгла лампу, Эми вылезла из самого удобного кресла, хотя ее даже не просили об этом, Джо забыла о своей усталости и села, чтобы держать мамины туфли поближе к огню».

«Но трудно думать о человеке, которого никогда не видела и о котором ничего не помнишь, кроме того, что он твой отец и живет где-то далеко, в Москве, на Маросейке, дом номер сорок, квартира пятьдесят три. В таком случае можно думать только о себе. А что касается себя, то Таня давно уже пришла к заключению, что она не любит его, не может любить да и не должна».





Читайте книгу полностью

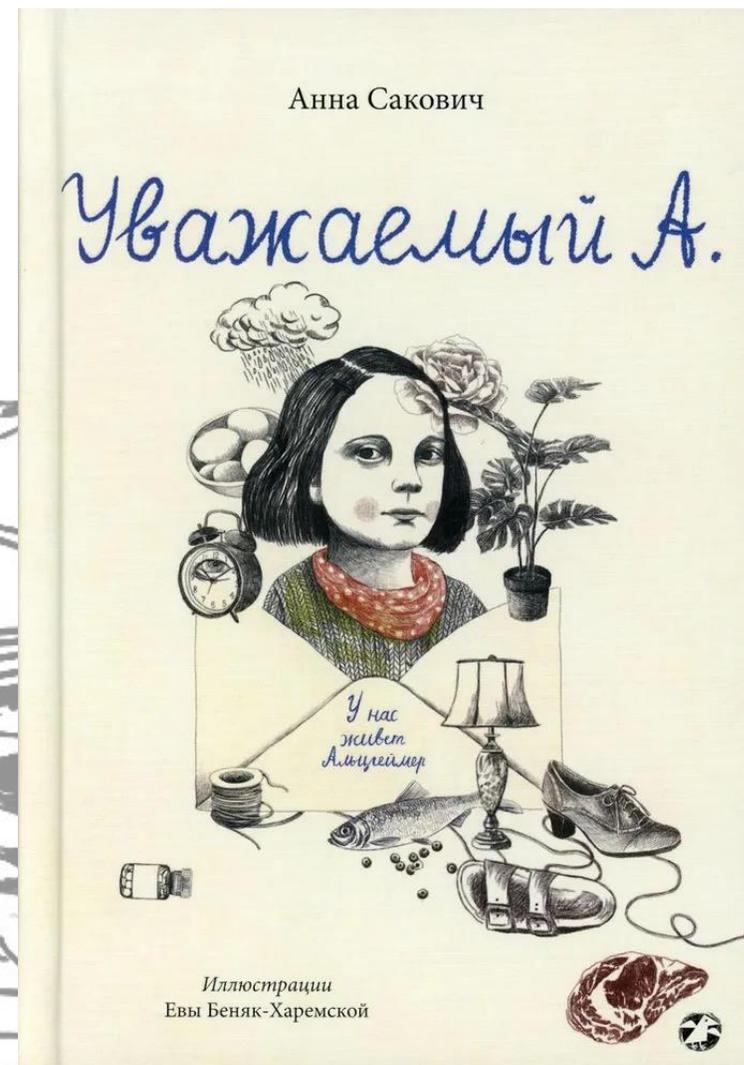


**«Мама твоя приезжает... И Гришка  
взлетел. Легко и стремительно. Все  
выше и выше. И беспредельно...»**

**Радий Погодин  
«Книжка про Гришку»**



«Мама думает, что меня это убедит, но мне уже не три года, и я понимаю, когда кто-то плакал, потому что у него просто-напросто очень грустное лицо. Но я ничего не говорю. Как и мама, делаю вид, что все хорошо. Но ведь это не так. Всякий раз мы притворяемся. Как будто играем в школьном спектакле».



МАРИЯ ПАРР

# ВАФЕЛЬНОЕ СЕРДЦЕ



«...ОНА МОЙ ЛУЧШИЙ ДРУГ,  
ХОТЯ И ДЕВЧОНКА»

МАРИЯ ПАРР

# ВРАТАРЬ

И

# МОРЕ



«ТАК СТРАННО В ОДИН  
ДЕНЬ СТАТЬ ДРУГИМ»



**«...Я стоял, смотрел на него и чувствовал, как сердце переполняется и растёт в груди – оно уже с трудом помещалось в ней. Мне хотелось подарить деду все-все, что только есть в мире самого прекрасного».**



**Мария Парр «Вафельное сердце»**

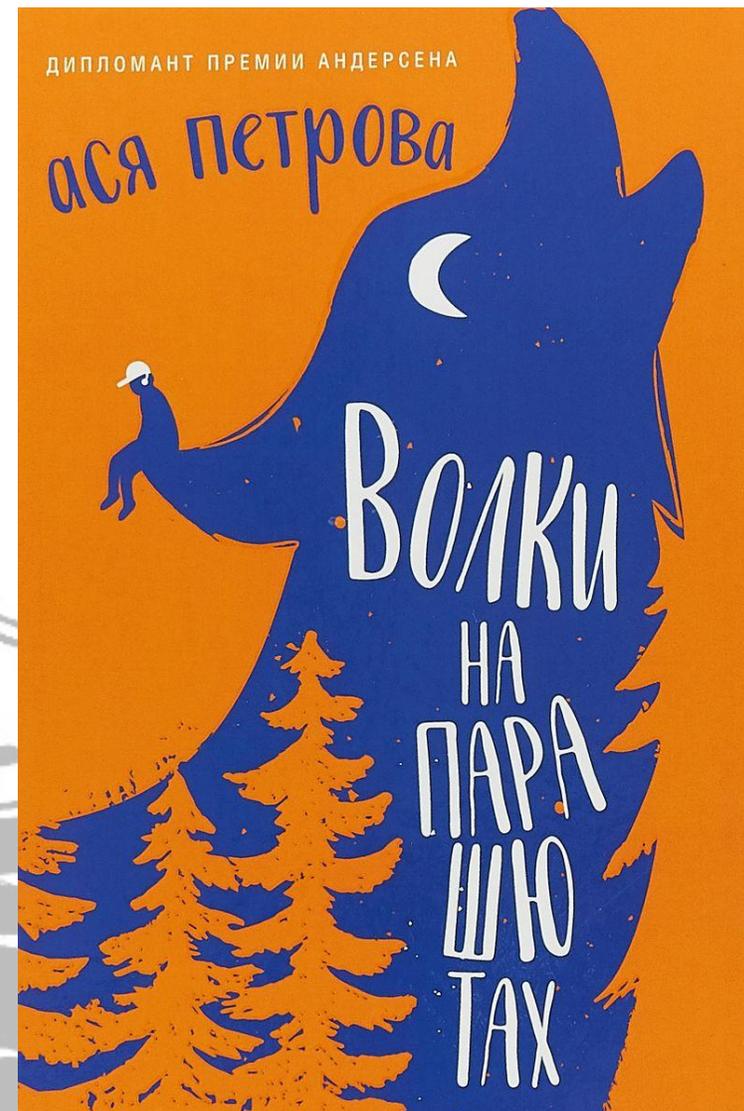


– Картер, сбегай купи молока, –  
сказала мама. – Шарли,  
перестань плакать. Эни,  
перестань передразнивать  
Шарли – только хуже делаешь.  
Эмили, если ты еще раз  
дернешь головой, я пришпиглю  
тебе челку к бровям.

«... то мне не придется спать с бабушкой. Ведь каждый раз, каждый раз, когда она храпит своим ужасным храпом – мне кажется, что она умрет. Потому что ну просто не может человек издавать такие страшные звуки, если с ним всё в порядке. Один раз я решила разбудить бабушку и сказать ей, чтобы она не храпела. Я поднялась с кровати, встала голыми ногами на пол и наклонилась над ней. В темноте ее лицо казалось таким зловещим, что я его даже не узнала. Нижняя губа отвисла, а верхняя вздрагивала в такт храпу. Глаза как-то сместились друг к дружке, будто она хмурилась, а тело вздулось под одеялом, словно воздушный шар. Я была уверена, что если откину одеяло, то под ним будет гора скелетов. Я ткнула в бабушкино плечо пальцем.

– Баб, не храпи.

В ответ бабушка открыла правый глаз и не своим голосом шепнула: «Спи». Тут я окончательно перепугалась, прыгнула в кровать и накрылась с головой. С тех пор я боюсь, что бабушка по ночам в кого-то превращается».



«Я проснулась раньше всех. Наш дом, вечно полный раскатистых голосов моих четверых братьев-подростков, сейчас был совсем тихим. Я распахнула окно своей маленькой спальни и вдохнула запах лета.

Я вздохнула и представила себе сегодняшний день, который только начинался. Он тоже был идеальным. Мне не нужно было идти в школу.. Не нужно было разговаривать с другими детьми. Я весь день могла провести с папой у него на работе».



# Счастье



**«Мы лежим, от счастья молчаливы,  
Замирает сладко детский дух»**

**Марина Цветаева  
«Как мы читали Lichtenstein»**

КЛАССНАЯ КЛАССИКА



Н. Г. Гарин-Михайловский

# ДЕТСТВО ТЁМЫ



Machaon

«Вдруг... Его сердце от радости и наслаждения сильно забилося... Любимый папин цветок, над которым он столько возился, наконец, расцвел! Еще вчера папа внимательно его осматривал и сказал, что раньше недели не будет цвести. И что это за роскошный, что это за прелестный цветок! Никогда никто, конечно, подобного не видал. Папа говорит, что когда гер Готлиб (главный садовник ботанического сада) увидит, то у него слюнки потекут. Но самое большое счастье во всем этом, конечно, то, что никто другой, а именно он, Тёма, первый увидел, что цветок расцвел. Он вбежит в столовую и крикнет во все горло:  
— Махровый расцвел!»





**«Никита остановился и снова, как  
во все дни, почувствовал счастье.  
Оно было так велико, что казалось,  
будто где-то внутри у него  
вертится, играет нежно и весело  
музыкальный ящичек»**

**Алексей Толстой  
«Детство Никиты»**

ДЖИНН БЁРДСЕЛЛ



# ПЕНДЕРВИКИ

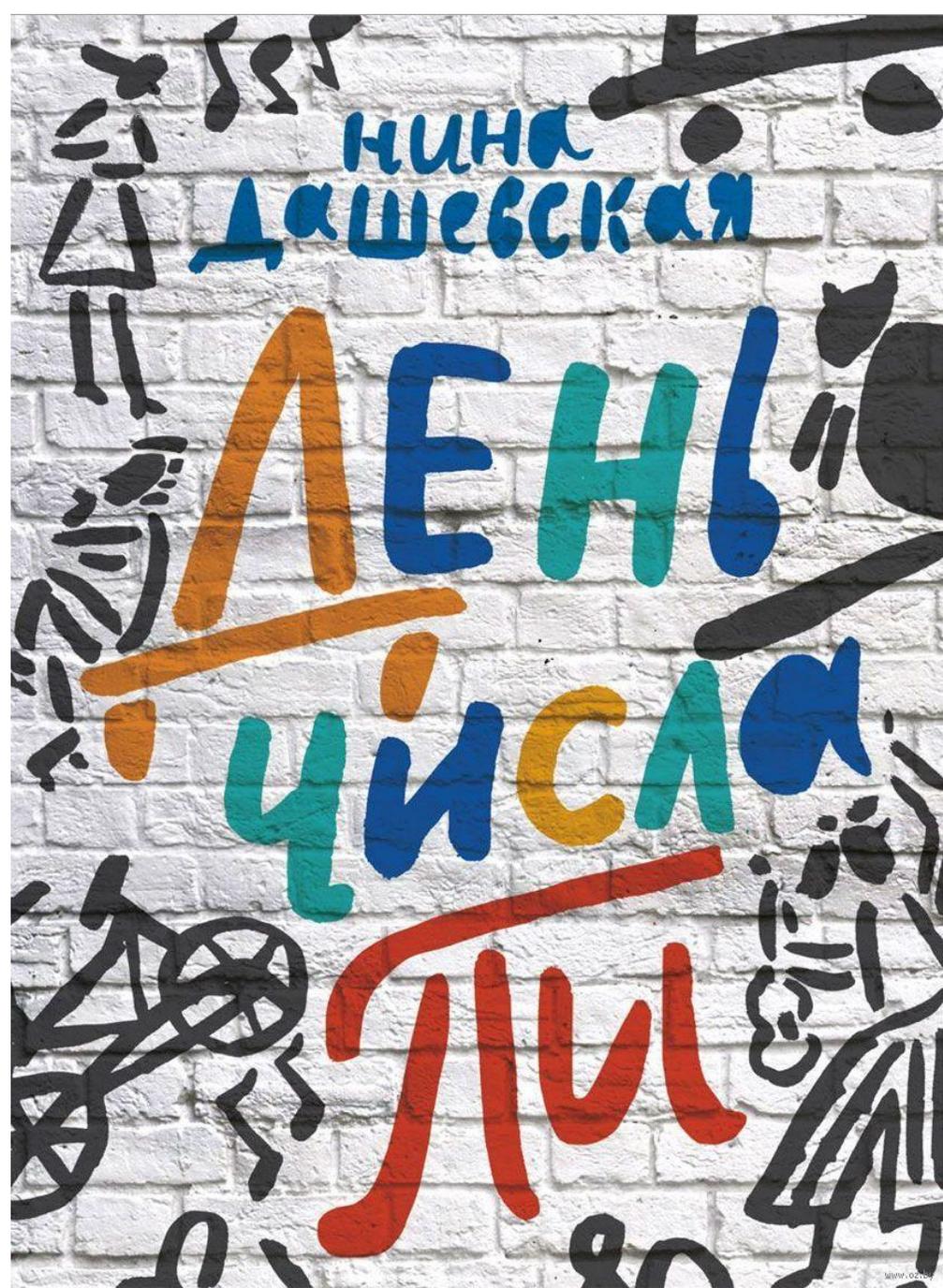
ЛЕТНЯЯ ИСТОРИЯ ПРО ЧЕТЫРЁХ СЕСТЁР,  
ДВУХ КРОЛИКОВ И ОДНОГО МАЛЬЧИКА,  
С КОТОРЫМ БЫЛО НЕ СКУЧНО

КНИГА ПЕРВАЯ

«... но только дача у моря, которую они обычно снимали, и правда была продана в последнюю минуту, и летние планы Пендервиков тут же рухнули. Мистер Пендервик искал, названивал по всем телефонам – но что толку, когда на Кейп-Коде давно уже не осталось ни единого не занятого дачниками клочочка... И вдруг совершенно случайно от знакомых своих знакомых мистер Пендервик узнаёт, что в Беркширских горах сдаётся летний домик с кучей комнат, даже с просторным загонem для собаки – то-то будет раздолье для их большого чёрного пса, славного недотёпы по кличке Пёс Пендервик! И этот домик свободен целых три недели в августе. Хорошо было бы взглянуть на него хоть одним глазком, прежде чем отвечать да или нет, – но глядеть было некогда, и мистер Пендервик сказал да».



«Мне выпало водить. Я громко считаю до десяти и иду искать маму. Вот дверь. Коридор с шершавыми обоями. Наряженная пухлая вешалка. А мамы нет. Открываю дверь на кухню. Прислушиваюсь. Тикают часы. Бурчит холодильник. И всё, никого не слышно. Но на всякий случай я дохожу до стола и шарю под ним рукой – пусто. Тогда мне надо в гостиную: больше на кухне нигде не спрятаться. За дверью в гостиной – никого. И под диваном, и под столиком. Я подхожу к окну и слышу мамино дыхание. Отдёргиваю штору и касаюсь мамы рукой – нашла. Нашла!»





**«Я думаю, что вот эти звуковые волны - слова - нужны, когда люди друг друга плохо знают. А дедушка с бабушкой понимают друг друга на каком-то другом уровне, им слова не нужны»**

**Нина Дашевская  
«День числа Пи»**

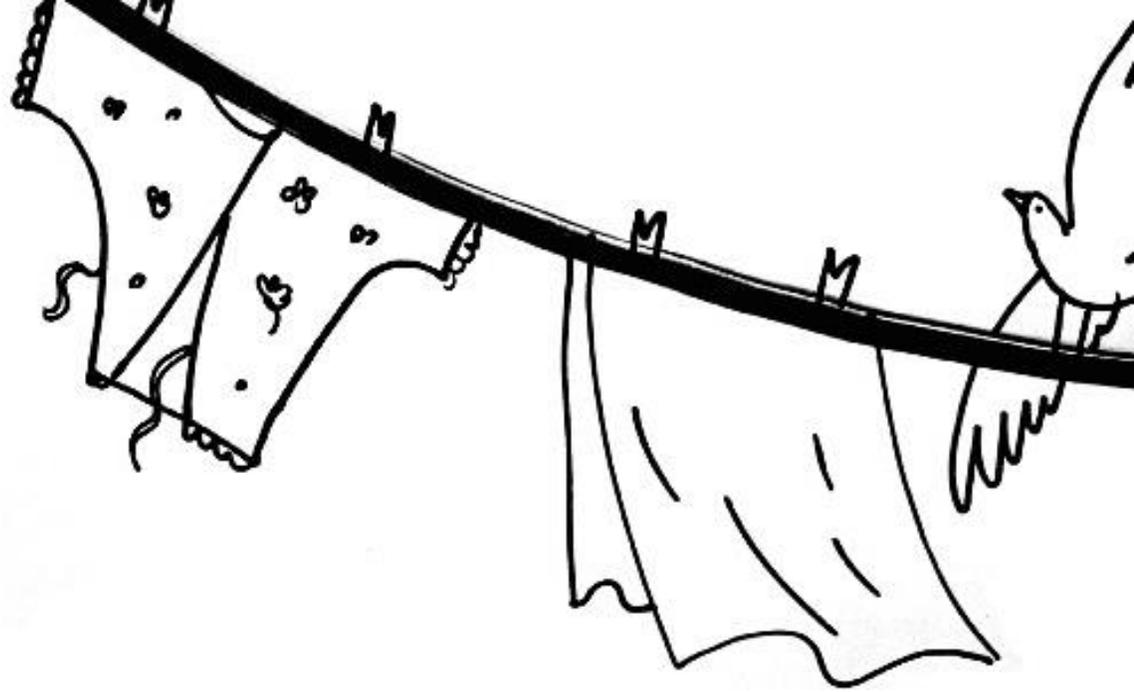




«Лица папы я не помню. Зато помню карман его пальто. Если я запускала туда руку (почти до плеча), там всегда находилось что-нибудь вкусненькое.

Помню большую тёплую руку, за которую я держалась, когда по выходным мы ходили гулять. И голос — очень низкий, бархатный. И вот папа рассказывает мне сказку».

Ольга Громова «Сахарный ребенок»

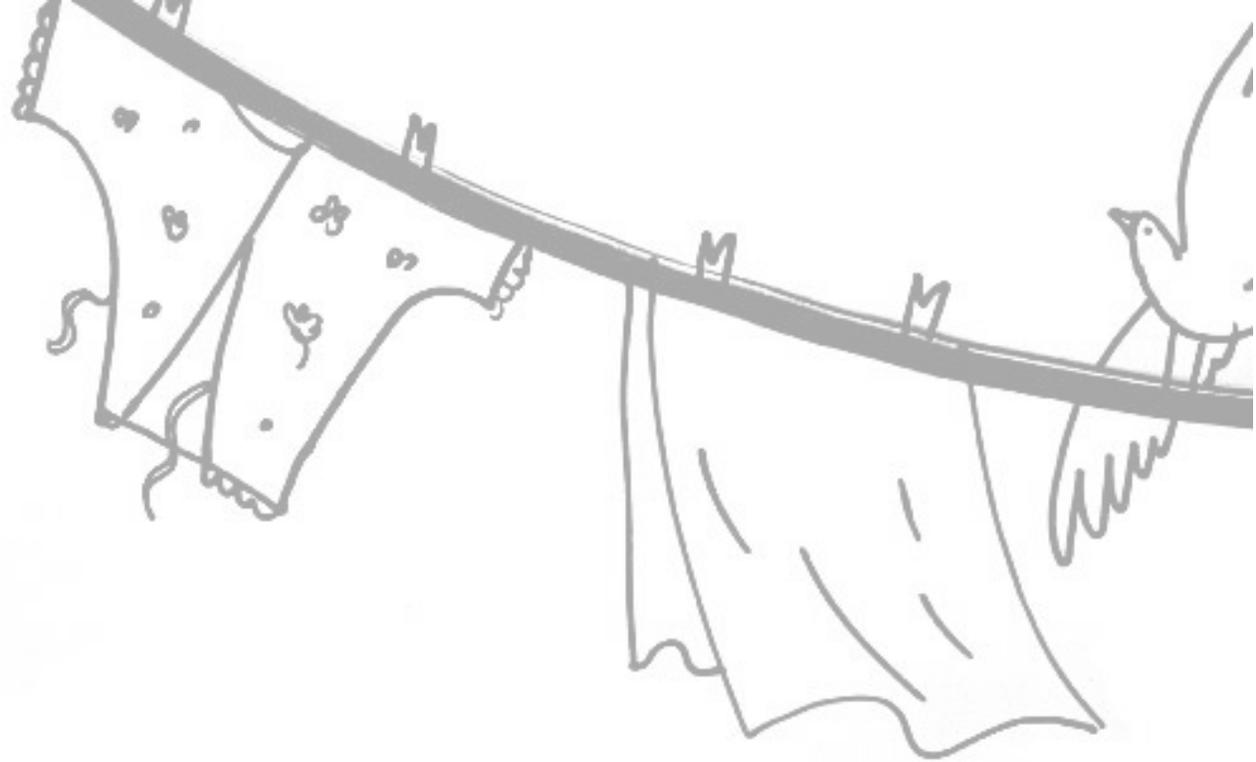


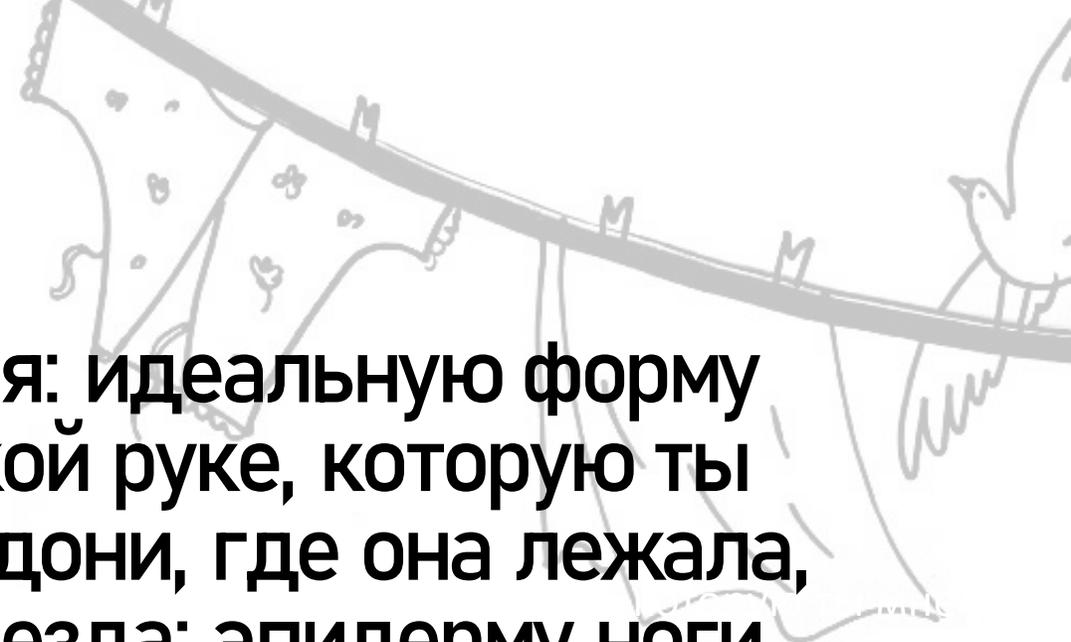
Рождение

Владимир  
Набоков



Другие берега





**«...Все родители делают эти открытия: идеальную форму миниатюрных ногтей на младенческой руке, которую ты мне без слов показывала у себя на ладони, где она лежала, как отливом оставленная морская звезда; эпидерму ноги или щеки, которую ты предлагала моему вниманию дымчато-отдаленным голосом, точно нежность осязания могла быть предана только нежностью живописной дали; расплывчатое, ускользающее нечто в синем оттенке радужной оболочки глаза...»**

**Владимир Набоков «Другие берега»**

«Раньше Мамаша часто играла с Цацики в «пытки» — щекотала его кончиками волос до тех пор, пока он не просил пощады. Цацики уже и забыл, когда это было в последний раз. Теперь она, видно, решила, что Цацики уже слишком взрослый для этой игры. Ну почему никто не додумался сделать у человека на животе вместо глупого бессмысленного пупка простую кнопку? Нажал, и ты большой — пожалуйста, смотри взрослые фильмы. Нажал еще раз, и ты снова маленький — сиди себе уютненько у мамы на коленках. Цацики чувствовал, что он вдруг оказался где-то посередине — еще не большой, но уже и не маленький».



«... МАМА ГОВОРИТ, у  
родителей сердце  
– как небо».

Места в нем ХВАТИТ  
ВСЕМ».



«Но я то имела в виду — продолжим этих родителей смотреть, а она возьми и перелистни на следующее изображение. Я перепугалась, что мы их сейчас потеряем, и опять как заору:

— Нет, нет, не этих! Вон тех верните!

Она тогда вздохнула и что-то у себя на экране посмотрела. Потом так грустно на меня взглянула и говорит:

— Хотите ознакомиться с личным делом? Могу предоставить в распоряжение на сутки.

А я ни с каким личным делом знакомиться не хотела. Что там можно читать? И так ведь понятно, что вот эти — самые лучшие. Я когда увидела, как они идут по улице, обнявшись, сразу поняла, что только меня им и не хватает».

Читайте эту книгу можно тут



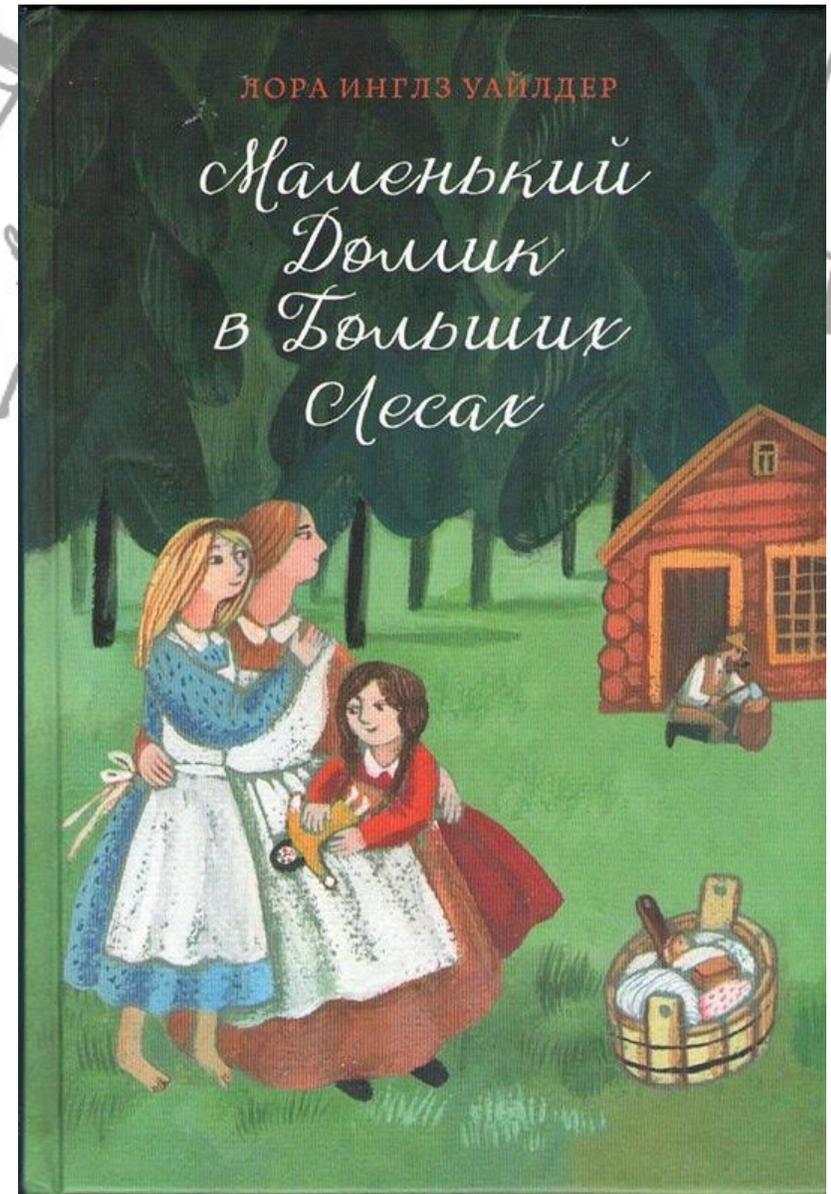
«На дворе теперь часто завывал унылый холодный ветер. Но на чердаке, где среди тыкв и кабачков играли Мэри с Лорой, было тепло и уютно.

Мэри была старше Лоры, и поэтому у нее была тряпичная кукла по имени Нэтти. У

Лоры вместо куклы была кукурузная кочерыжка, завернутая в носовой платок. но она была ничуть не хуже Нэтти. Ее звали

Сьюзи. Сьюзи была не виновата, что она всего лишь кочерыжка. Мэри иногда давала

Лоре поддержать свою Нэтти, но Лора старалась брать ее на руки потихоньку от Сьюзи, чтобы не огорчать ее».





Открытие

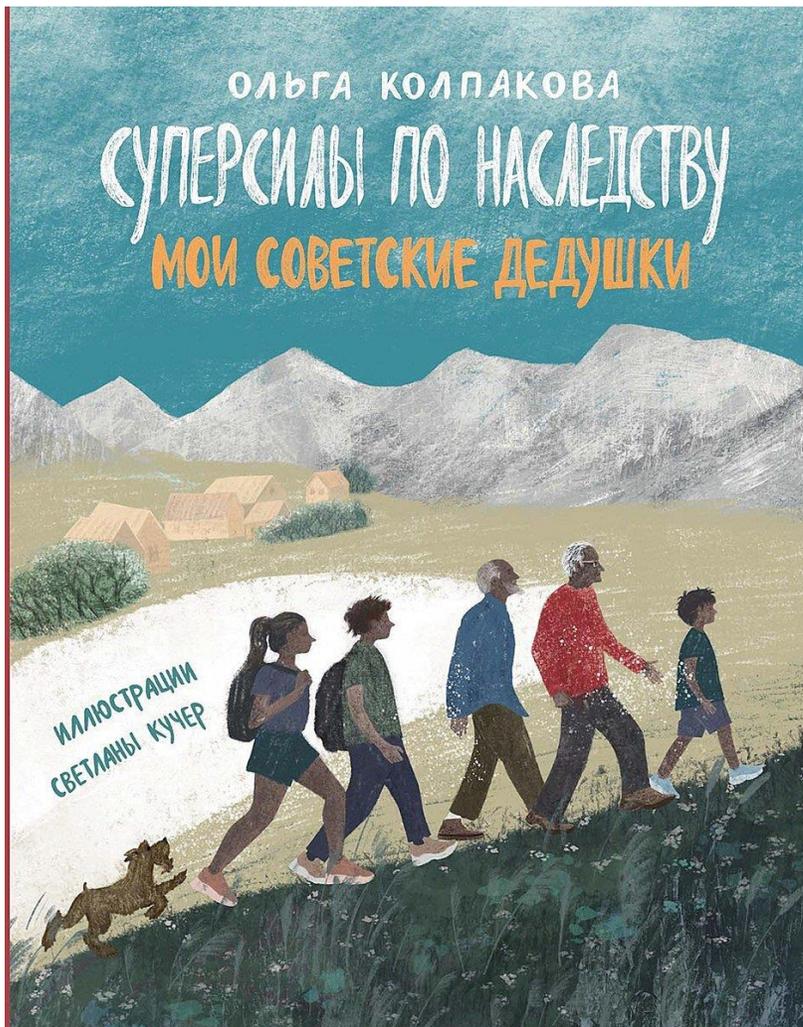
**«Так вот и надо жить. Все  
должны быть вместе, все  
должны сидеть в тепле,  
петь и болтать»**



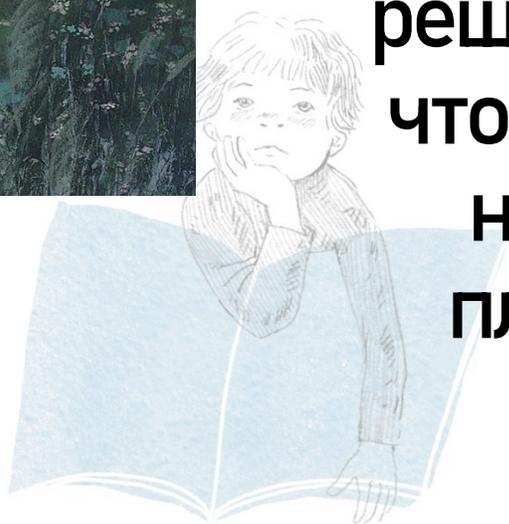
**Астрид Линдгрен  
«На острове Сальткροка»**



«В тот день все наше семейство имело довольно неприглядный вид, так как плохая погода принесла с собой весь обычный набор простуд, которые мы очень легко схватывали. Для меня, растянувшегося на полу с коллекцией раковин, она принесла сильный насморк, залив мне, словно цементом, весь череп, так что я с хрипом дышал через открытый рот. У моего брата Лесли, примостившегося у зажженного камина, были воспалены оба уха, из них беспрестанно сочилась кровь. У сестры Марго прибавились новые прыщики на лице, и без того испещренном красными точками. У мамы сильно текло из носа и вдобавок начался приступ ревматизма. Только моего старшего брата Ларри болезнь не коснулась, но было уже достаточно и того, как он злился, глядя на наши недуги».



«У нас многодедная семья. Есть младший дед, средний дед, старший дед и прадед Семён, которого мы иногда дедуней зовём, для краткости. “В нашем доме уровень дедовщины зашкаливает”, — так бормочет папа, когда все деды собираются вместе и, за неимением интересных новостей, решают поучить его жизни. Я понимаю, что в других семьях дедов не меньше, но они как-то рассредоточены по планете. А наши почти все в одной деревне».

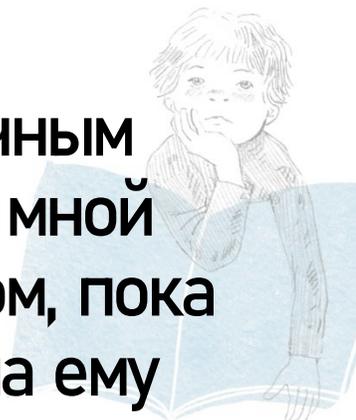


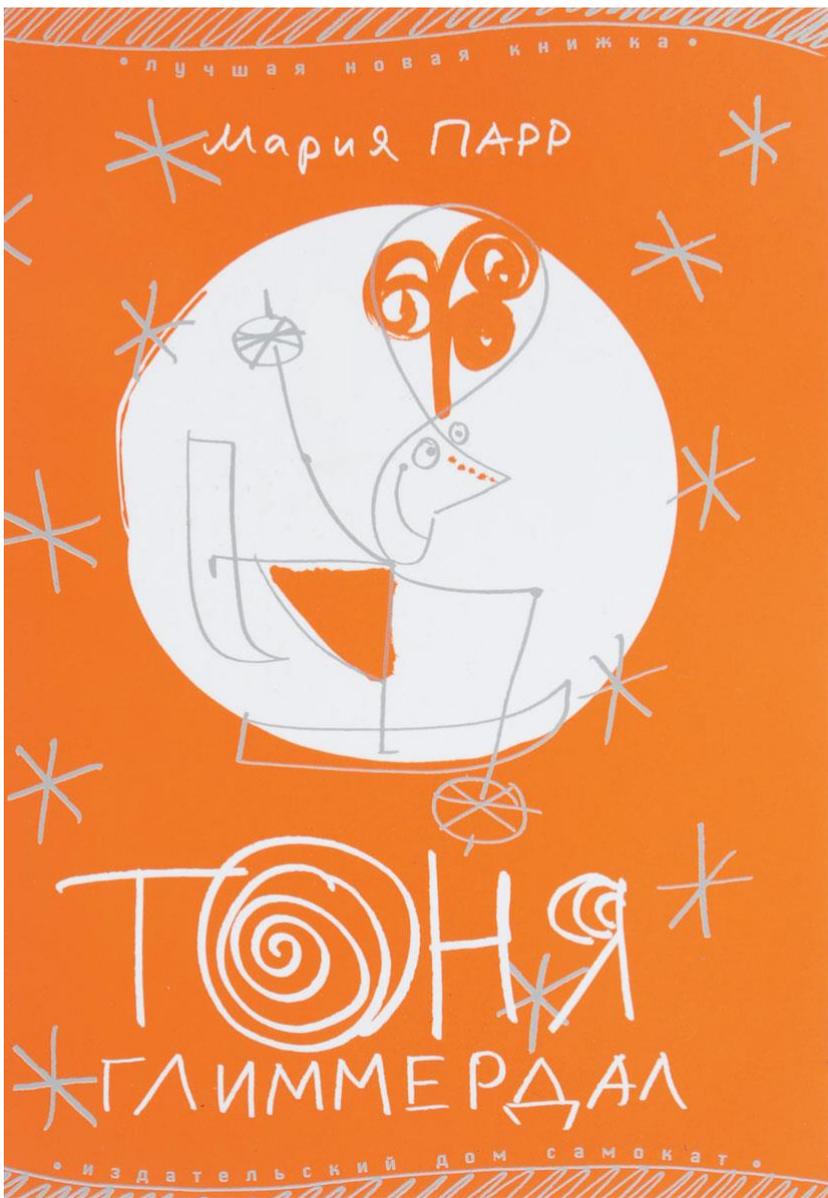
«Мой папа работает в службе такси, ночным диспетчером. Я привыкла: он болтает со мной вечером, перед уходом на работу, или утром, пока я завтракаю, а он наливает мне чай. Мама ему выговаривает:

– Коля, иди спать! Ты же мимо льешь. Машка сама справится. Ей скоро замуж пора.

– Вот именно, замуж... Хоть чаю ей налью, пока она туда не вышла.

Я вздыхаю. А если он не отпустит меня в Испанию, потому что побоится за мою безопасность? Надо давить на то, что у нас на группу будут целых два преподавателя, которые станут следить за нами. Это сообщила Беатрис. Поклянусь не кокетничать с мальчиками».





«Но есть одно железное правило: Тоня Глимердал не делает даже простейшего прыжка на лыжах, если Гунвальд не следит за ней в бинокль из своего окна. Во-первых, что за радость прыгать, когда никто на тебя не смотрит? А во-вторых, хорошо, чтобы кто-нибудь мог позвонить в Красный Крест и вызвать спасателей, если она приземлится так, что встать уже не сможет. Дом Гунвальда довольно далеко от горы Зубец, зато у Гунвальда мощный бинокль. Тоня вскидывает руки и машет, показывая, что готова к старту. Тишине в Глимердале приходит конец».





«Мы едем к бабушке, потому что наступило лето, школа закончилась и меня снова некуда деть. Каждое лето родителям некуда меня деть... Но семейные традиции – есть семейные традиции, против них не попрешь.

Вообще-то бабушек у меня две, но живут они в разных местах и к тому же очень далеко от нас. Это потому, что мой папа – военный и он не выбирает, где ему жить, а уж мы с мамой – тем более. За нас выбирает неведомый командир в большой фуражке, и фантазия у него что надо... Сейчас мы едем к бабушке, и это хорошо, но немного плохо. Мама не любит здесь бывать, потому что сюда особенно не зовут, но очень обижаются, если мы не приезжаем. А еще здесь не любят маму. Она так думает. А я думаю, что тут никого особенно не любят».





Мир





«Она не родилась слепой – у нее только было очень слабое зрение: она была, как она теперь называет, "подслеповатая". И зрение это явственно ухудшалось. Может быть, если бы ее показали врачу, она и не ослепла бы, кто знает? ...

Сколько она себя помнит, Вера Матвеевна знала, что она скоро ослепнет. И она изо всех сил торопилась учиться.

– Я всегда знала: скоро мне – в темноту. Значит, надо набрать всякого хорошего, чтобы оно со мной осталось навсегда. В школу я, конечно, попасть не могла, но все-таки мне очень повезло: знакомая учительница увидела, как я хочу учиться, как стараюсь осилить грамоту... Дай бог ей здоровья, той золотой женщине, – она со мной весь гимназический курс прошла! Когда меня при округе экзаменовали – за все семь классов сразу! – я уже мало что видела, но все сдала наизусть...»

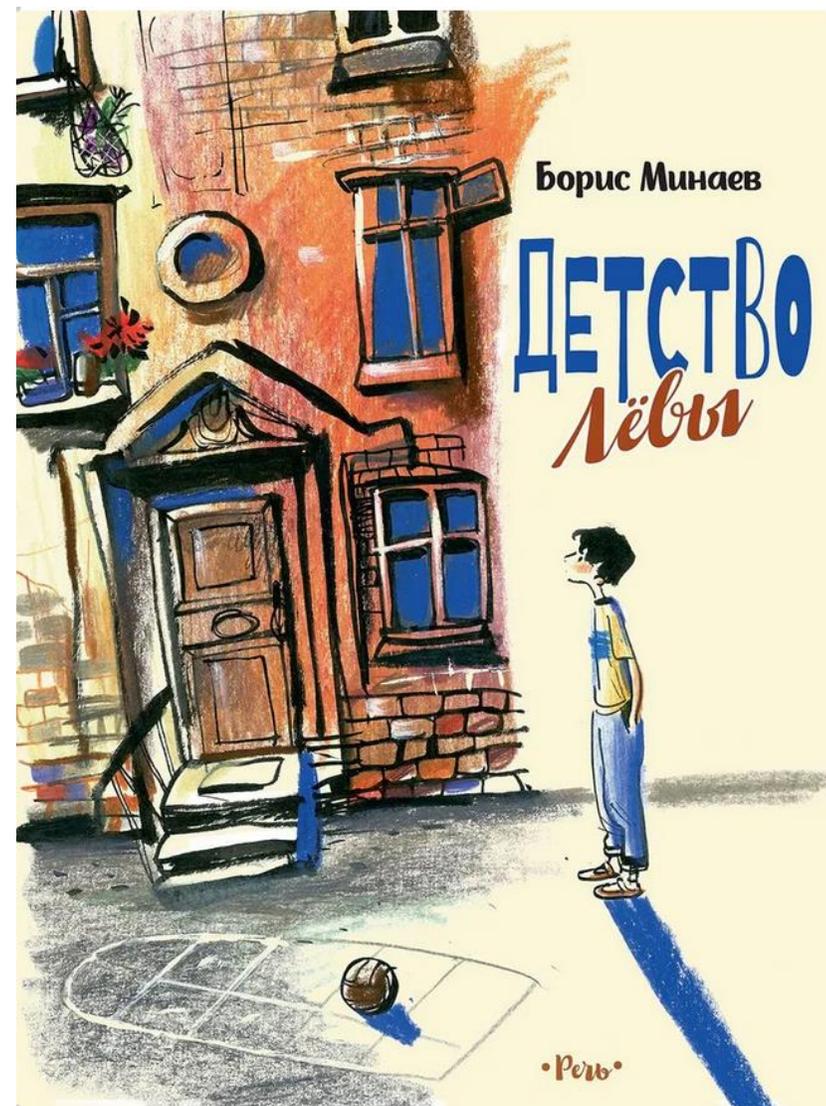


«В детстве меня называли Мамин Хвостик. Это обидное прозвище возникло неслучайно. Я действительно мог ходить с мамой куда угодно, стоять в любой очереди, скучать в парикмахерской и химчистке, лишь бы быть рядом с ней.

Очень мне нравилась моя мама.

Нравилось главным образом то, что рядом с ней я переставал бояться. Ничего мне было не страшно. А вот как только мама куда-нибудь отходила — пробить чек в кассе, или в парикмахерское кресло, я начинал ужасно беспокоиться — вдруг она куда-нибудь пропадёт? Но она не пропадала — возвращалась всегда вовремя.

Это чудесное мамино свойство очень сильно меня поражало. Иногда, если мы просто шли по улице, я забегал немножко вперёд и смотрел на маму издали: как она идёт. Шла она тоже очень красиво, постукивая каблучками. И несла легко самую тяжёлую сумку. И всегда улыбалась мне издали».



— Мэм, кем вам приходится этот ребёнок?

«Родственницей», — хочу подсказать я. «Родственницей!»

Я помню это слово на английском, я тоже могу ответить на все вопросы. Но я — несовершеннолетняя. По документам — ребёнок. Поэтому спрашивают не меня, тётю Таню.

— Эта девочка — дочь моего второго мужа и его первой жены.

— Она ваша падчерица, мэм? — женщина-офицер хмурит коричневый лоб. У неё прическа строгая, гладкая. Тугой пучок. Как у бабушки Нади.

Я просто думаю про бабушку, без слёз.

Потому что плакать некогда. Я боюсь, что нас сейчас не пропустят в Америку. Офицер качнёт своим чёрным пучком, вернёт нам паспорта и скажет: «Мне очень жаль, мэм, но мы не пропускаем падчериц в Соединённые Штаты Америки».

— Да. Она падчерица. Падчерица.



«Это был мой папа.

Он медленно шел по коридору, цепко поглядывая по сторонам, и все тарасились на него, совсем позабыв обо мне.

Оно и понятно. На папу везде пялятся, пока не привыкнут. И не потому, что люди такие невоспитанные, просто они никогда не видели, чтобы солидный фермер-садовод разгуливал в ковбойских сапогах из кожи игуаны, в черных джинсах, стянутых широким ремнем с заклепками и блестящей пряжкой в форме коровьего черепа, в черной рубаше с белой бахромой и в черной ковбойской шляпе.

Он подошел и заглянул мне в лицо.

- Ты в порядке, Тонто?

Он меня всегда так называет. Тонто - это, кажется, персонаж из телепередачи, которую папа смотрел еще в детстве. Если б он меня вслух так назвал, мне, конечно, было бы неловко, а руками - ничего, все равно же нас никто не понимает. Папа всегда разговаривает со мной руками. Когда говоришь на одном языке - это совсем другой разговор, так он считает.

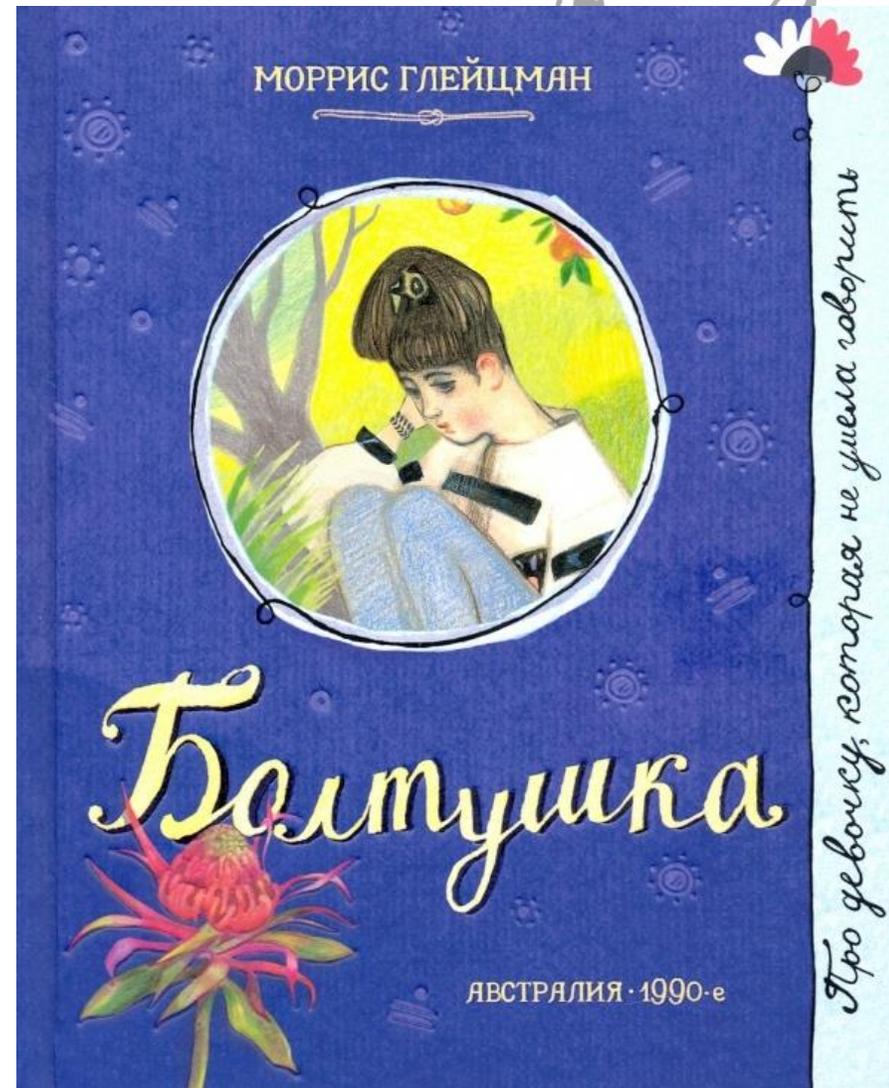
- Я в порядке, пап, - ответила я.

Теперь все глазели на наши руки: о чем это мы разговариваем?

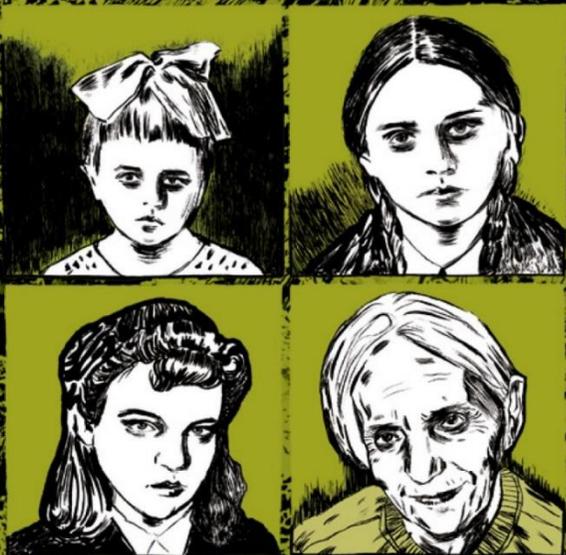
- Трудный выдался денек? - спросил папа.

- Да уж, нелегкий, - вздохнула я.

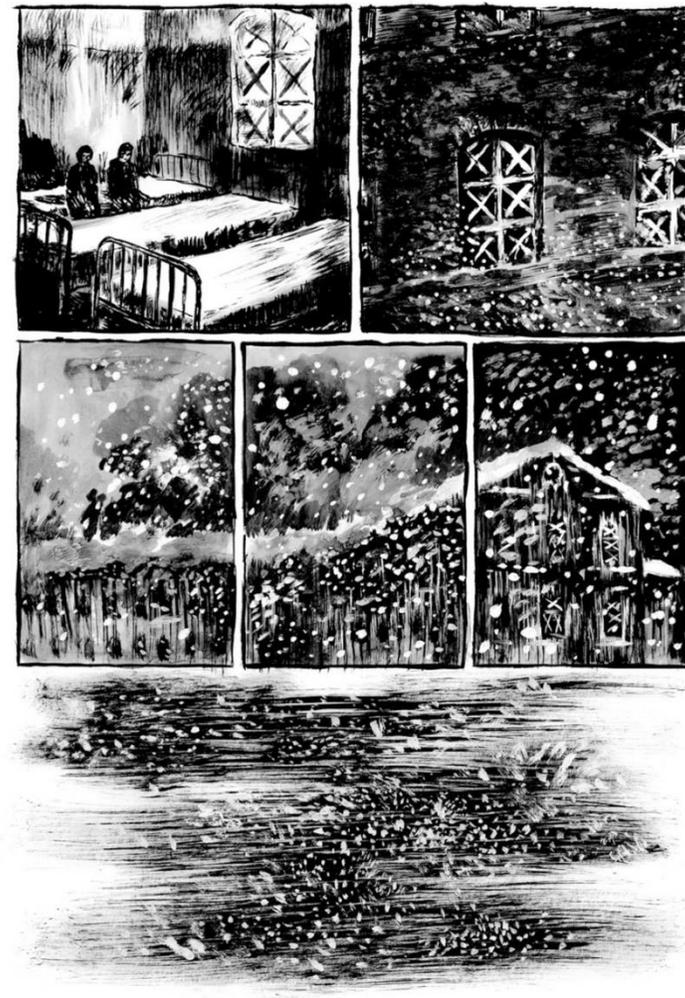
Он улыбнулся мне и кивнул, а потом повернулся к зрителям».



Ольга Лаврентьева  
СУРВИЛО



140



141

Станислав Востоков

# Фрося Коровина



«Родители у Фроси, конечно, были. Но были они... ну, в общем, не здесь, не в Папаново, а где-то далеко. По этому поводу она часто говорила:

— Живу в Папаново, а папы нет! Ну и ну! Родители у нее были теоретически. Они работали геологами и любили геологию намного больше своей дочери. Во всяком случае, так думала Фросина бабушка Аглая Ермолаевна.

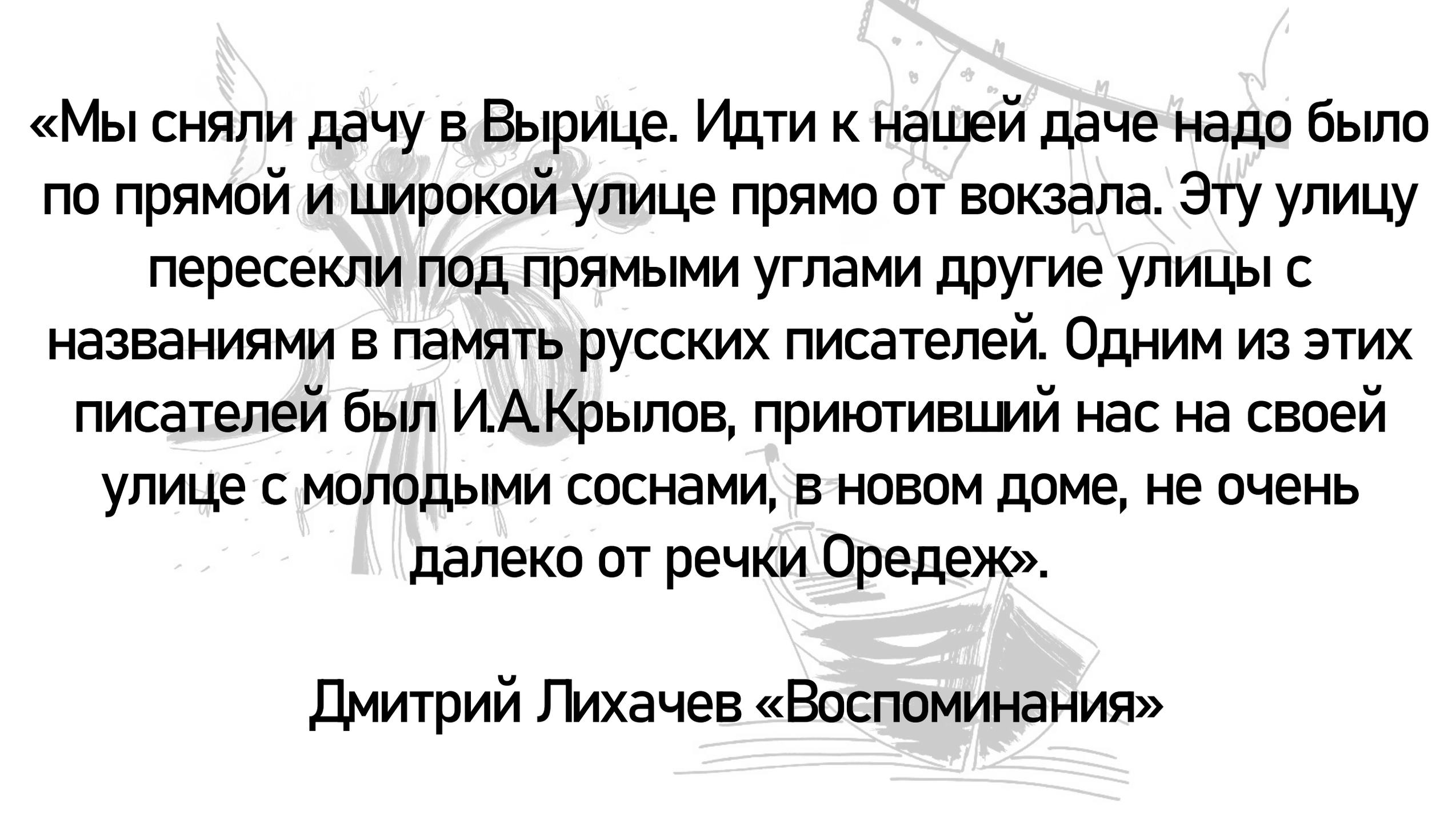
Ее очень сердило, что сын и его жена по полгода пропадают в командировках».

Читать эту книгу можно тут



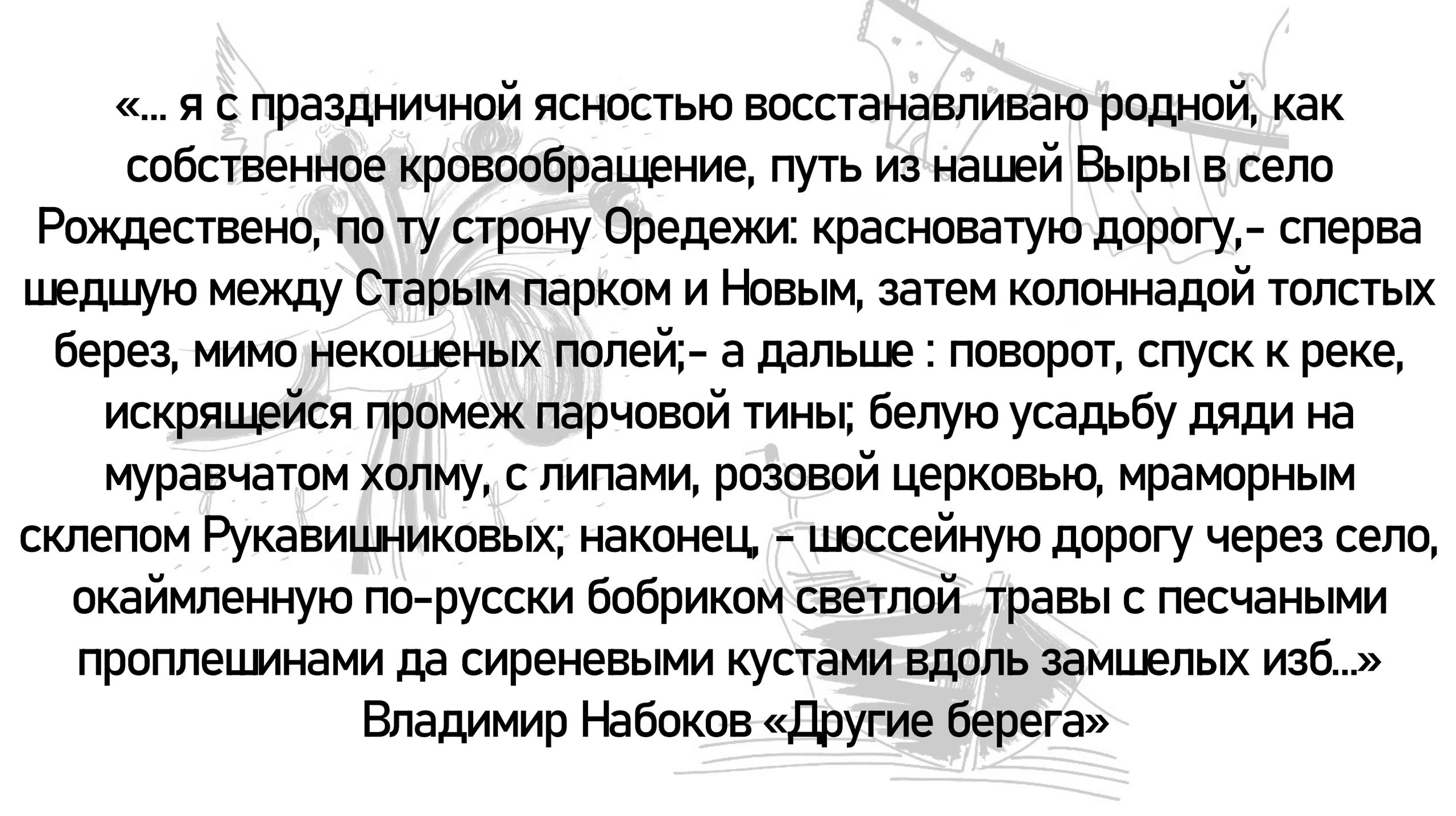


# Оредержское детство Вырицкие семейные пейзажи



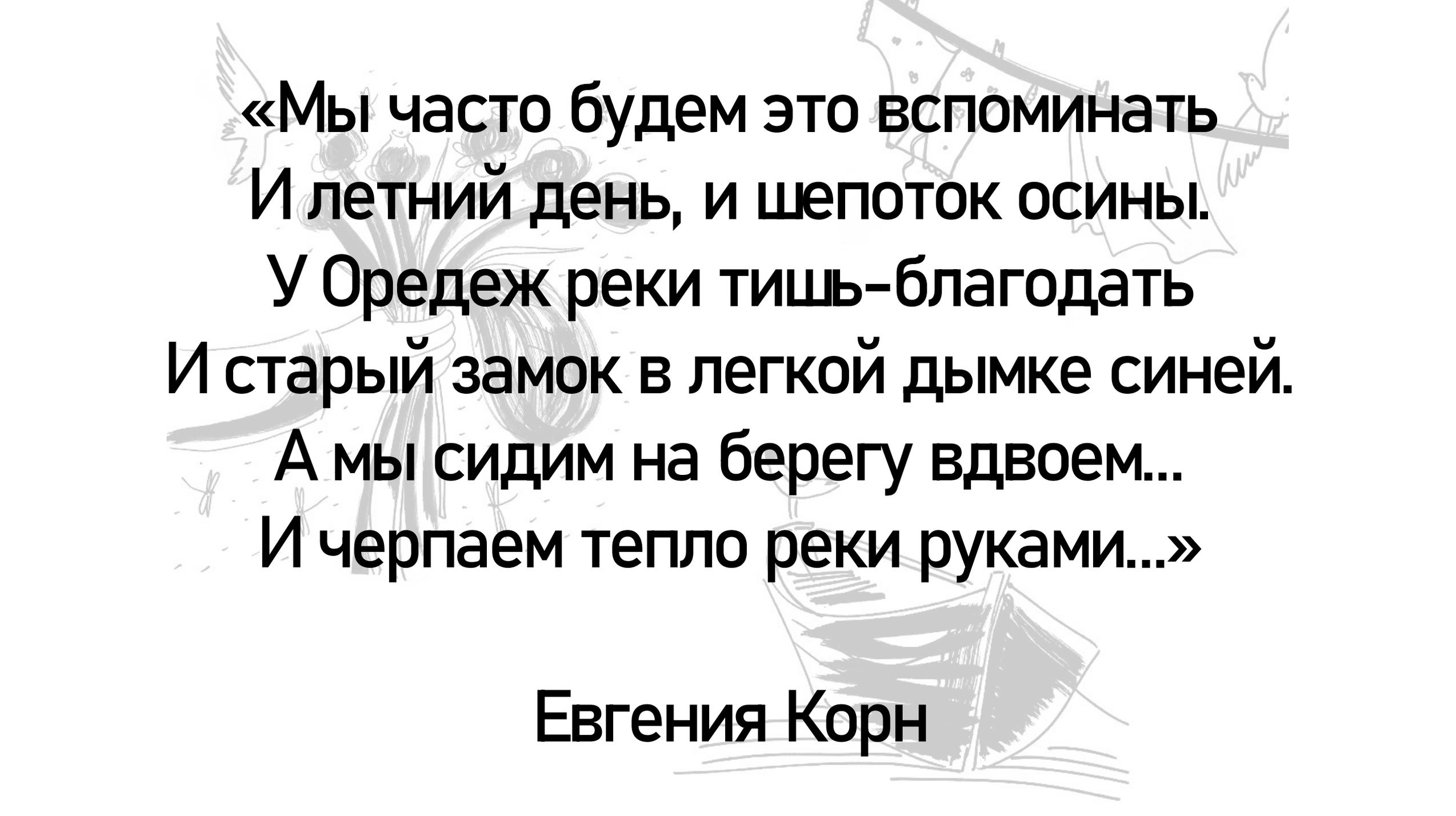
**«Мы сняли дачу в Вырице. Идти к нашей даче надо было по прямой и широкой улице прямо от вокзала. Эту улицу пересекли под прямыми углами другие улицы с названиями в память русских писателей. Одним из этих писателей был И.А.Крылов, приютивший нас на своей улице с молодыми соснами, в новом доме, не очень далеко от речки Оредеж».**

**Дмитрий Лихачев «Воспоминания»**



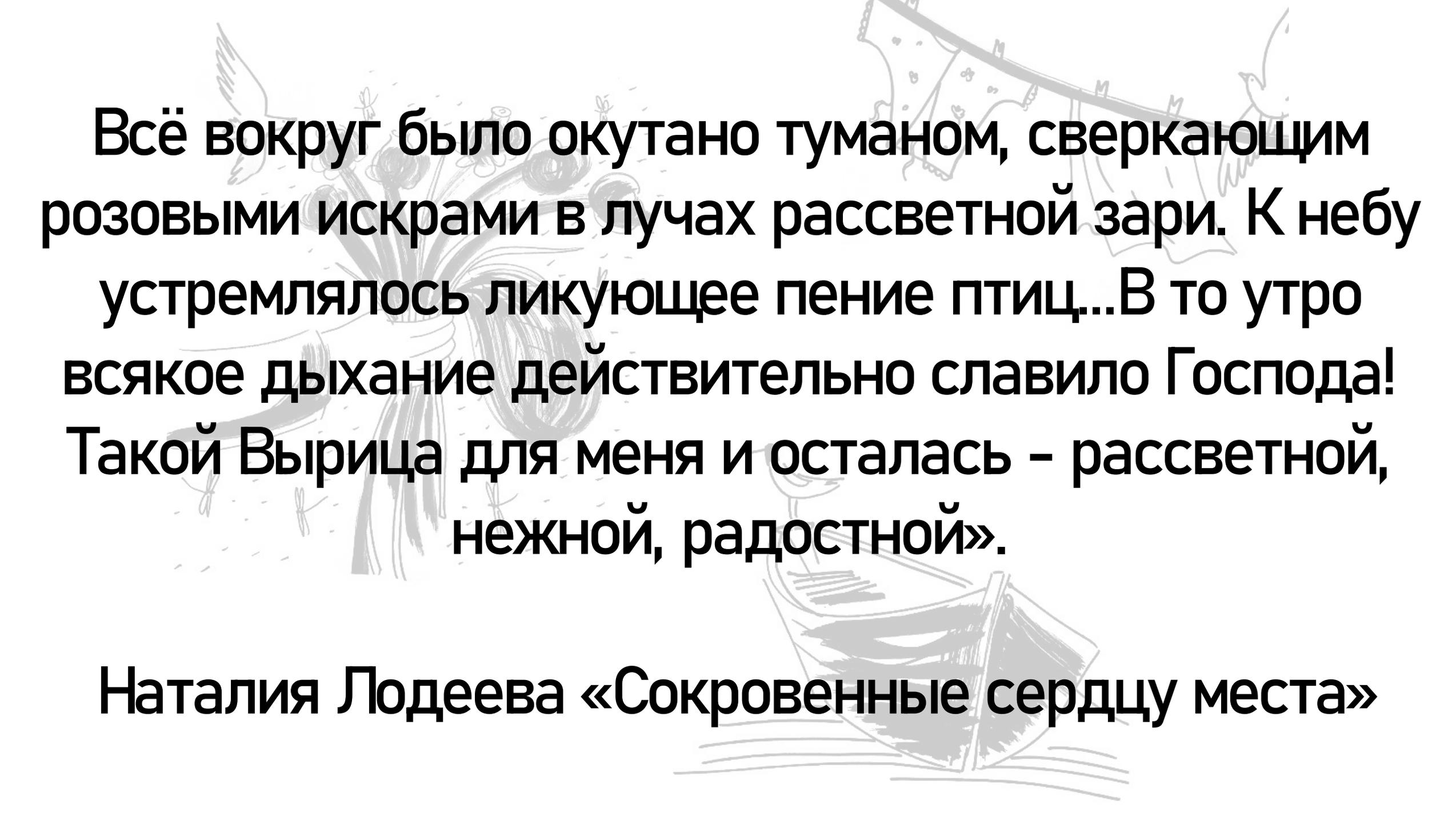
«... я с праздничной ясностью восстанавливаю родной, как собственное кровообращение, путь из нашей Выры в село Рождествено, по ту сторону Оредежи: красноватую дорогу, - сперва шедшую между Старым парком и Новым, затем колоннадой толстых берез, мимо некошенных полей; - а дальше : поворот, спуск к реке, искрящейся промеж парчовой тины; белую усадьбу дяди на муравчатом холму, с липами, розовой церковью, мраморным склепом Рукавишниковых; наконец, - шоссеиную дорогу через село, окаймленную по-русски бобриком светлой травы с песчаными проплешинами да сиреневыми кустами вдоль замшелых изб...»

Владимир Набоков «Другие берега»



**«Мы часто будем это вспоминать  
И летний день, и шепоток осины.  
У Оредеж реки тишь-благодать  
И старый замок в легкой дымке синей.  
А мы сидим на берегу вдвоем...  
И черпаем тепло реки руками...»**

**Евгения Корн**



**Всё вокруг было окутано туманом, сверкающим розовыми искрами в лучах рассветной зари. К небу устремлялось ликующее пение птиц... В то утро всякое дыхание действительно славило Господа! Такой Вырица для меня и осталась - рассветной, нежной, радостной».**

**Наталия Лодеева «Сокровенные сердцу места»**

ЛОДБ

ВЫРИЦКАЯ  
ДЕТСКАЯ  
БИБЛИОТЕКА

# ПОРТРЕТ СЕМЬИ НА ФОНЕ ВРЕМЕНИ

Составитель Любовь Егорова

Использованы иллюстрации Кати Толстой

Ленинградская областная детская  
библиотека

Санкт-Петербург,  
пр.Тореза, 32

тел: 8(812)552-33-17

[deti.spb.ru](http://deti.spb.ru)

[lodb.spb.ru](http://lodb.spb.ru)

[vk.com/kidslibrary\\_lodb](https://vk.com/kidslibrary_lodb)

<https://t.me/lodb1>

Вырицкая детская библиотека

Вырица,

Коммунальный пр., 11

тел: 8(813) 714-93-34

<https://www.vlic.ru/>

<https://vk.com/vdb1982>